

ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ФЕНОТИПИЧЕСКИМ И ГЕНОТИПИЧЕСКИМ КАК ДЕТЕРМИНАНТА БОЛЕЗНИ В КОНТЕКСТЕ СУДЬБОАНАЛИЗА Л. СОНДИ (Часть 1)

Т.В. Рогачева (Екатеринбург)

Аннотация. В первой части статьи анализируются подходы к биосоциальной проблеме. В первом, называемом социальным детерминизмом, указывается на ведущую роль социальной среды в определении поведения личности. Сторонники второго – биологического детерминизма – настаивают на методологической правильности теоретических оснований естественного отбора Ч. Дарвина.

Представлена генетико-культурная эволюционная теория, которая пытается примирить классические парадигмы и выступает, с точки зрения автора, наиболее перспективной альтернативой обеих точек зрения.

Дано теоретическое обоснование психоаналитического подхода Л. Сонди, позволяющего в рамках генетико-культурной теории проследить проявления личности на всех уровнях психики.

Ключевые слова: генетическая предрасположенность, культурная наследственность, судьбоанализ, родовое бессознательное, свобода выбора, варианты судьбы, влечение.

Вопрос о том, социально или биологически детерминированы наши личностные особенности, несомненно, признается одним из самых важных в психологии. Существуют два подхода, представители которых пытаются ответить на данный вопрос. Один, уходящий корнями в социальную психологию и социологию, утверждает, что среда имеет огромное значение в определении поведения индивидуумов. Методологической базой для такого подхода выступает утверждение К. Маркса о том, что сущность человека есть совокупность всех общественных отношений, а биологическое как тождество морфофизиологической организации особей типа *homo sapiens* составляет лишь предпосылку «родового» в человеке. В данной парадигме биологическая эволюция закончилась. Представители этой точки зрения указывают на то, что изменчивость человеческой природы сохранилась, сохранилась и наследственность, а вот естественный отбор, приводящий в природе к выживанию наиболее биологически приспособленных особей, обладающих наиболее полезными свойствами, уже в первобытном человеческом обществе перестает быть определяющим. Ведь вопрос выживания не связывается напрямую с индивидуальными биологическими особенностями. Выживаемость вида по мере развития человечества все больше определяется социальными факторами.

Уже в начале XX в. данные антропологической науки свидетельствовали о том, что биологическая эволюция человека прекратилась. А.П. Семенов-Тян-Шанский (1910) пишет о том, что вид *homo sapiens* остановился в дальнейшем видообразовательном движении [8]. В.В. Бунак, М.Ф. Нестурх, Я.Я. Рогинский указывали, что приспособление человека к природе и ее влияние на человека осуществляется начиная с верхнего палеолита через посредство социальной среды, поэтому трудно ожидать в дальнейшем особых перемен в строении человеческого тела. Я.Я. Рогинский и М.Г. Левин подчеркивают, что в лице современного человека процесс биологической эволюции создал обладателя таких видовых свойств, которые привели к затуханию их дальнейшей эволюции.

Западные ученые к 1930–40-м гг. все больше разделяли мнение о подавляющем значении социальной среды и верили в культуру как разгадку человеческой природы. Такая точка зрения только усиливалась агрессивной националистической идеологией нацизма и достаточно жесткими марксистскими высказываниями советских идеологов.

Современные исследователи Ю.Г. Рычков и Е.В. Балановская, подводя итоги проведенного ими диахронного анализа генофонда, пишут: «...за это время не просто ослабло воздействие природной среды в связи с усилением экранирующей роли культуры, но сменился вектор адаптации. К генотипам предъявляются требования чрезвычайно динамичной и сложно организованной жизни в больших коллективах. Новая – культурная и общественная среда – не просто снизила значение части прежних адаптаций, но и потребовала принципиально новых адаптаций по генам, которые доселе оставались селективно-нейтральными» [7, с. 168].

Известный американский антрополог Клакхон как бы вторит отечественным авторам: «Человеческий материал... определяется культурной социализацией таким образом, что повседневное поведение индивида может быть предсказано. Индивид становится социализированным, когда он отказывается от своей физической автономии в пользу контроля со стороны культуры и большую часть времени ведет себя так же, как ведут себя другие, следуя культурным образцам. Те же, кто сохраняет слишком большую степень независимости, в конце концов оказываются в сумасшедшем доме или в тюрьме» [4, с. 229].

Другой подход к проблеме поведения человека основывается на теории естественного отбора Ч. Дарвина и генетике. Идея Дарвина заключалась в утверждении, что ненаследственное изменение несущественно, поэтому если у какого-либо вида будет найден признак, полезный другому виду, это окажется неразрешимой проблемой для теории естественного отбора. Научное обоснование генетического предопределения человека в наиболее жесткой форме дал С.Д. Дарлингтон. Он утверждал, что каждая личность стала тем, что она есть, потому что ее такой

сделали ее гены, поэтому все, что предпринимает человек, обуславливается его генотипом. Даже различия между монозиготными близнецами частично обусловлены генетическими, а не средовыми факторами.

Наиболее концентрированное выражение идей представителей этой парадигмы дал Р. Докинз: «Человек и все другие животные представляют собой машины, создаваемые генами. Подобно удачливому чикагским гангстерам, наши гены сумели выжить в мире, где царит жесточайшая конкуренция. Это дает нам право ожидать у наших генов определенных качеств. Я утверждаю, что преобладающим качеством преуспевающего гена должен быть безжалостный эгоизм. Генный эгоизм дает начало эгоистичности в поведении индивидуума. Однако при некоторых обстоятельствах ген способен лучше всего достигать своих собственных эгоистичных целей, поощряя ограниченную форму альтруизма на уровне индивидуальных животных. Как бы нам ни хотелось верить, что все обстоит иначе, всеобщая любовь и благополучие вида как целого – концепции в эволюционном плане бессмысленные» [3, с. 15].

Генетические исследования монозиготных и дизиготных близнецов, семьи, приемных детей дают нам множество примеров влияния генетически детерминированных признаков. Так, анализ данных, полученных Д. Лоелином (J. Loehlin) на близнецах и приемных детях, говорит, во-первых, о значительности показателей наследуемости, во-вторых, о том, что влияние генетических факторов не исчезает в зрелом возрасте, и, в-третьих, о том, что разделенная семейная среда играет крайне незначительную роль в детерминации личности в любом возрасте, а неразделенная индивидуальная среда – значительно более мощный источник влияний на все личностные черты [10, с. 118].

Данные Р. Пломин (1987), полученные в рамках «Колорадского проекта», одного из наиболее полных исследований приемных детей, подтверждают, что по многим психологическим характеристикам корреляции между приемными детьми практически отсутствуют. Поскольку приемные дети, воспитывающиеся в одной семье, «разделяют» друг с другом одну и ту же семейную среду, но не имеют между собой генетической общности, корреляция между ними по какому-либо свойству психики служит прямой оценкой вклада общесемейной среды в формирование данного свойства. На основании анализа литературы и собственных данных Р. Пломин заключает, что главную роль в формировании психической индивидуальности играют те аспекты взаимодействия со средой, которые являются уникальными, неповторимыми для данного человека. Такие влияния среды не являются общими для детей из одной семьи и, следовательно, не приводят к увеличению их сходства по индивидуально-психологическим особенностям [12]. Пломин также предположил, что индивидуальная среда в детстве сама может быть подвержена влиянию генетических факторов [11, с. 391–402].

Более того, исследования Педерсена (N. Pedersen) с соавторами 59-летних мужчин, исследования Лоелина, а также Теллегена (A. Tellegen) и Купера (C. Cooper) испытуемых в возрасте 18 и 21 года показали, что влияние генетических факторов на личность с возрастом не уменьшается. «Если бы оно уменьшалось, – пишет Купер, – то монозиготные и дизиготные близнецы обнаруживали бы сходные корреляции» [5, с. 224]. Купер отмечает наиболее интересное направление исследований, связанное с изучением действия отдельных генов на поведение и оценки, полученные по тестам личности и способностей. «Один из наиболее обещающих фактов здесь состоит в том, что выявлен ген, который, по-видимому, тесно связан с геном тревоги. Обнаружение гена, который имеет такие сильные связи с психологическим конструктом, – большая удача, поскольку, как утверждалось ранее, мы должны были ожидать, что такие черты, как тревога, интеллект и экстраверсия, находятся под влиянием многих генов, каждый из которых оказывает сравнительно небольшое влияние» [5, с. 226].

С точки зрения данных парадигм как у культурного детерминизма, утверждающего, что индивид, рождающийся с «чистым» сознанием, является отражением культурных влияний – детского опыта, образования, семьи и пр., так и у биологического детерминизма, отстаивающего противоположную точку зрения, не может быть точек соприкосновения. Противостояние биологического и культурного детерминизма – одна из сторон дихотомии природы и культуры, господствовавшей в биологии, психологии и социобиологии едва ли не с начала XIX в.

Среди исследователей такой непростой проблемы, как значимость и определяющая роль либо генетической предрасположенности, либо социальной среды в процессе формирования и развития индивидуальности, были и те, кто пытался синтезировать генетику, эволюционную теорию и социологию. В их интерпретации оба предположения о том, что человеческое существование обусловлено только приобретаемыми социальными качествами, либо только биологическими факторами, что человек рождается «чистым листом бумаги», одинаково примитивны. Отвергая обе точки зрения, эти авторы утверждают, что не существует человеческих проявлений, которые были бы «записаны» в генах таким образом, чтобы они не могли быть изменены и оформлены социальными условиями.

Теоретические построения основоположника хромосомной теории наследственности Т.Г. Моргана, различавшего биологическую и культурную наследственность, отечественного невролога С.Н. Давиденкова, говорившего о близком смысле наследственности и преемственности, дали возможность предпринять попытку найти ответ не в системе «или–или», а в системе «но, и». Эта аргументация была названа генетико-культурной эволюционной теорией, представителем которой был и наш соотечественник Ф.Г. Добжанский. В одной

из своих статей, названной «Мифы о генетическом предопределении и о чистом листе», он писал: «Правильно понимаемая наследственность – не игральные кости судьбы. Она скорее – множество потенций. Какая часть из множества потенций будет реализована, определяется факторами среды, биографией индивида. Только фанатичные приверженцы мифа о генетическом предопределении могут сомневаться в том, что жизнь каждого человека предлагает множество вариантов, из которых только часть реализуется фактически» [2, с. 14].

Активно развивается и функциональная геномика, позволяющая связать «экспрессию генов, психологические процессы и определенные структуры мозга... При этом использование нейропсихологических и психофизиологических данных необходимо как для выбора релевантных генетическому анализу психологических свойств, так и для понимания уже найденных ассоциаций между психологическими и генетическими признаками» [1, с. 135].

На наш взгляд, самое подходящее решение, позволяющее охватить все стороны человеческой жизни, дал автор психоаналитической концепции судьбоанализа Леопольд Сонди (L. Szondi), швейцарский психолог, психотерапевт и психиатр. Центром своей глубинной психологии Сонди сделал понятие «судьбы», в которой человек рассматривается как существо, хотя и подвергшееся с самого начала своей жизни определенному принуждению, но по мере развития и взросления получившее шанс выбирать, исходя из своих возможностей, и, следовательно, реализовывать свою судьбу и свободу. Тем самым Сонди четко делит судьбу на навязанную и свободную, относя к первой наследственность, а ко второй – свободу выбора варианта своей судьбы.

Потребностная и эмоциональная сферы человека являются частью его навязанной судьбы. При этом судьбоанализ ориентируется на предположение, что фундаментальные потребности одинаковы для каждого человека. Но существуют родовые и личностные проявления, которые объясняют, почему люди вообще и представители отдельного рода в частности так по-разному удовлетворяют свои потребности. Социальная среда как семья и ее статус в данном обществе, ментальная среда как воспитание и традиции, мировоззренческие установки данной культуры, наряду с наследственностью, также оказывают влияние на навязанную судьбу человека.

От навязанной судьбы невозможно освободиться полностью. Но каждый человек рано или поздно проявит свое стремление к свободе, даже если он никогда не сможет ощутить в полном объеме всего диапазона своих возможностей. Он не является игрушкой судьбы или рабом своей природы, и в этом смысле свободная судьба – это результат личностно обусловленных способностей каждого человека решать и выбирать свое значение, свой смысл, свое измерение собственной жизни. Сонди так определяет свободу выбора собственной жизни человеком. На языке поэтов это звучит проще и

понятнее. «Кто ты есть, – говорит Алдоис Гексли, – зависит от трех факторов: что ты унаследовал, что из тебя сделало твое окружение и что ты делаешь сам со своим окружением и наследственностью в результате свободного выбора» [9, с. 18].

Наследственность, с позиций Сонди, представлена в каждом человеке через родовое бессознательное, которое располагается между личным бессознательным З. Фрейда и коллективным бессознательным К.Г. Юнга. Родовое бессознательное служит Сонди метафорой для обозначения места, где следует искать родовую наследственность человека. Сонди пишет: «Под притязаниями предков судьбоанализ понимает стремление фигуры предка полностью повториться в жизни потомка в той же самой форме экзистенции, в которой она один или несколько раз проявлялась в истории рода» [9, с. 487]. Однако даже если бы фигура предка захотела манифестировать себя в определенной форме судьбы, носитель подобного притязания со стороны предков имеет различные варианты выбора своей экзистенции. В ситуации увеличения степени свободы, как в масштабе отдельной личности, так и целого общества, происходит человеческое становление. В психологии судьбы, как и в восточной философии, дорога уже сама по себе есть цель. Если перефразировать часто цитируемое изречение «выбор делает судьбу», то можно сказать, что свободная судьба есть выбор пути человеческого становления.

Сонди предложил психологический инструмент, позволяющий выявлять те способы, с помощью которых человек выбирает свой путь. На наш взгляд, у данной методики есть два несомненных достоинства.

1. Оригинальность стимульного материала (фотографии различных людей), не провоцирующего реакций защитного характера у испытуемых, что часто происходит в психодиагностике.

2. Возможность выявления неосознаваемых реакций и проявлений человека, фиксации вытесненных тенденций, которые зачастую не проявляются в поведении.

Основным понятием в методике Сонди выступает понятие влечения, которое коренным образом определяет поступки и поведение человека, его стремления, потребности, проникающие во все структуры личности. Влечение выражается через диалектическое взаимодействие двух факторов или двух потребностей и называется вектором. Так, например, сексуальное влечение – скрещивание женской и мужской потребностей, выражающихся в потребности в пассивности (женское начало) и потребности в активности (мужское начало).

Сонди выдвигает 4 основных критерия для диагностики влечений.

Первый критерий – специфическая генная обусловленность влечений, существование специфических способов передачи информации о моделях поведения через родовое бессознательное. Сонди пишет: «Человек с момента рождения появляется на свет с клубком наслед-

ственно обусловленных, находящихся в состоянии противоречия побуждений между собой и средой, внутри своего «я». Задача человека состоит в том, чтобы распутать этот клубок имеющихся потенций и, постепенно познавая их, строить свою судьбу» [9, с. 37]. То есть Сонди утверждает, что гены стремлений человека действуют и передаются из поколения в поколение согласно законам Менделя. Принимая участие в формировании всех без исключения человеческих действий от рождения до смерти, они предопределяют возможности судьбы каждого из нас. Эти генетически обусловленные возможности являются открытыми и дают широкий простор для самостоятельности. Они определяют более или менее очерченные траектории развития, которые могут быть модифицированы, усилены или отвергнуты путем сознательных действий. Этот процесс Сонди называл управляемым фатализмом.

Второй критерий – полярность импульсивных стремлений и импульсивных потребностей. То есть влечения базируются на антагонистических парах потребностей, а потребности – на антагонистических парах наследственно заданных стремлений. Часть этих стремлений имеет гуманную природу, часть – нет.

Третий критерий – напор (напряжение) влечений, величина которого зависит от величины противоположности тех генов влечений, которые совместно наследственно обуславливают потребности или влечение.

Четвертый критерий – патопсихологический критерий, выражающийся через особые формы защитных механизмов «я», называемых способами психологической защиты. Суть такого рода психических проявлений заключается в нарушении процесса функционирования личности. Стоит подчеркнуть, что не всегда психологическая защита выступает как негативное для личности проявление. Еще в классическом психоанализе подчеркивалось, что любой психический механизм имеет как позитивный, так и негативный вариант развития. О негативном, то есть патологическом, функционировании можно говорить только в том случае, когда психологические защиты носят ригидный характер и не осознаны

личностью. Другими словами, личность в реальном поведении избегает подобного актуального опыта и, следовательно, вытесняет возможные способы отреагирования из внутреннего мира во внешний.

Отпечаток социально-экономической структуры, ее видоизменения и воздействие на человека проявляются в социальной судьбе как всего общества, так и отдельного индивида. Событие рождения «бросает» нас в мир, в совместное бытие (со-бытие) с другими. Мы сразу начинаем определяться этим миром, который выступает для нас «сводом», созданным другими пространством, помещением нашего бытия. Однако «индивидуальные траектории развития» [6, с. 5] подчиняются не только социальным закономерностям, но и своеобразию наследственных программ. Если определять наследственное как «имеющееся при рождении», размывается его различие с приобретенным (во внутриутробном периоде), обусловленным опытом как эмбрионального развития, так и самого процесса рождения индивида. Кроме того, наследственное не обязательно выступает уже оформившимся к моменту рождения (например, наследственные изменения, связанные с половым созреванием), многие особенности, динамика индивидуального поведения связаны с последовательностью развертывания генетической программы и являются результатом сложнейшего взаимодействия генотипа и среды.

Сонди показывает, используя психодиагностические возможности своей методики, как трансформируются под влиянием социальной среды полученные от родового предка побуждения человека. Математическая обработка результатов тестирования позволяет выделить так называемые коренные, т.е. генетически определенные, факторы и актуальные факторы как «здесь и сейчас» потребности. Нам важно было отследить, что происходит с человеком, если эти потребности не совпадают. Гипотетически можно предположить, что противоречия между наследуемыми и диктуемыми социумом потребностями приведут к экзистенциальным деформациям, что в первую очередь отразится на состоянии здоровья личности.

Литература

1. Алфимова М.В., Трубников В.И. Генные основы темперамента и личности // Вопросы психологии. 2000. № 2.
2. Добжанский Ф. Мифы о генетическом предопределении и о «чистом листе» // Человек. 2000. № 1.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 1993.
4. Клакхон К.К. Зеркало для человека. СПб., 1998.
5. Купер К. Индивидуальные различия. М., 2000.
6. Равич-Щербо И.В. Предисловие // Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека. М., 1988.
7. Рычков Ю.Г., Балановская Е.В. Генетический ключ к эволюционной и исторической антропозологии // Эволюционная и историческая антропозология. М., 1994.
8. Семенов-Тянь-Шанский А.П. Таксономические границы вида // Записки Императорской АН. 1910. Т. 25.
9. Сонди Л. Учебник по экспериментальной диагностике побуждений. Кишинев, 1995.
10. Loehlin J. Genes and environment in personality development. Newbury Park, CA: Sage. 1992.
11. Plomin R., Loehlin J., DeFries J. Genetic and environmental components of «environmental» influences // Developmental Psychology. 1988. № 21.
12. Plomin R., Daniels D. Why are children in the same family so different from one another? // Behavior and brain Sci. 1987. Vol. 10, № 1.

THE CONTRADICTION BETWEEN THE GENOTYPIC AND THE PHENE AS A DETERMINANT OF A DESEASE IN THE CONTEXT OF FATE ANALYSIS OF L. SONDY (Part I)

T.V. Rogacheva (Ekaterinburg)

Summary. The approaches to bio-social problem are considered in the first part of the article. The first approach called **social determinism** shows the leading role of social environment in the determination of personal behavior. Those who support the second **approach of biological determinism** insist on methodological correctness of the theoretical basis of Darwin's natural selection.

The **genetico-cultural evolutionary theory** is presented. The theory tries to conciliate classical paradigms and appears to be **from the standpoint of the author** the most perspective alternative of both of the views. The theoretical ground of **psycho-analytical approach of L. SONDY** allowing to follow personal demonstrations at all the levels of psyche is given in the work.

Key words: genetic predisposition, cultural inheritance, fate analysis, the genetic instinctive, freedom of choice, fate **variations, inclination.**